

А. И. Гашилов, *Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1988. 168 с.*

20 мая 1988 г. на заседании Специализированного совета Д. 002.17.04 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации А. И. Гашилова «Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка». Работа выполнена под научным руководством кандидата филологических наук доцента А. И. Кузнецовой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Г. А. Меновщиков (Ленинград) и кандидат филологических наук Е. А. Хелимский (Москва).

Экспедиционные исследования 1980—1982 гг. дали автору возможность заметно углубить изучение верхнетазовского говора северного (тазовского) диалекта селькупского языка. Этот говор, используемый в глубинной части Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа, оказался как бы «в тени» других северноселькупских говоров (туруханско-баишенского, среднетазовского) и в «Селькупской грамматике» Г. Н. Прокофьева (Ленинград 1935), и в «Очерках по селькупскому языку» А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной (Москва 1980), несмотря на то, что ныне он является наиболее распространенным из всех селькупских говоров, а среди его носителей сравнительно высока доля монолингвов и неполных билингвов. В этой связи необходимо подчеркнуть научное значение эксперций из собранного на Верхнем Тазе материала, приводимых в работе наряду с более известными среднетазовскими данными.

Основным предметом рассмотрения в исследовании служат адъективные формы существительных (АФС) — регулярно образуемые члены парадигмы существительных, соотносящиеся с различными падежами и изменяющиеся по категории личной притяжательности, но синтаксически функционирующие главным образом в роли препозитивных определений к другим существительным. Регулярное

образование не только имен действия, причастий и деепричастий (т. е. субстантивных, адъективных и адвербиальных форм глагола), но и адъективных, вербальных и адвербиальных форм существительного — иначе говоря, универсальная роль категории репрезентации и в именном, и в глагольном словоизменении — представляет собой одну из наиболее своеобразных в типологическом отношении черт тазовского диалекта селькупского языка. Сосредоточение на относительно узком фрагменте грамматического описания позволило А. И. Гашилову детально отработать и подкрепить обширным языковым материалом концепцию трактовки селькупских «элевых» образований типа *сұрыль (сұрый)* 'звериний' в качестве АФС (впервые изложенная в «Очерках по селькупскому языку», эта концепция явилась во многом результатом обсуждения морфологии «элевых» образований с А. К. Поливановой; в других исследованиях они рассматривались как прилагательные), дополнить и уточнить ряд аспектов описания.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (141 название) и приложений. Привлекают логичность построения и четкость изложения материала, наглядная презентация узловых результатов (модель класса существительных, морфолого-синтаксическая диагностика адъективных форм существительных и прилагательных, образование падежно-посессивных АФС) в схемах и диаграммах на с. 29, 46, 75 (в этом и в ряде других моментов отчетливо прослеживается связь научной направленности исследования с задачами преподавания теоретической грамматики селькупского языка будущим педагогам).

Во введении дается общая характеристика работы, кратко излагаются этнолингвистические сведения о селькупах. Следуя Г. Н. Прокофьеву («Селькупская грамматика», с. 10), автор интерпретирует самоназвание верхнетазовских селькупов *сбйхум* как 'земляной человек'.

Однако это — результат осмысления верхнетазовской формы так, как если бы она была среднетазовской. В действительности же отличие в.-таз. (Ратта) *sõjqum*, (Толька) *şõjqum* от ср.-таз. *şõl-qum* носит чисто фонетический характер (ср. упоминаемые в работе соответствия типа в.-таз. *оланысай* — ср.-таз. *оланыцаль* 'величиной с мою голову'), и поэтому *şõlqum* и *şõjqum* исторически должны интерпретироваться одинаково — 'таежный человек'. При характеристике диалектного членения селькупского языка целесообразно, с точки зрения рецензента, пользоваться моделью диалектного континуума.

Первая глава (с. 17—46) имеет теоретическую направленность; в ней обосновывается используемая трактовка АФС в свете традиционного учения о частях речи. А. И. Гашилов убедительно демонстрирует соответствие этой трактовки морфологическому принципу классификации частей речи — принципу, наиболее уместному в морфологическом описании (в отличие от семантического и синтаксического принципов). Стоя в этом отношении на тех же позициях, что и автор, мы находим, что на с. 44—45 можно было бы дополнительно акцентировать парадигматическую общность адъективных и субстантивных форм существительных; напротив, менее значимым представляется критерий общности грамматических категорий падежа и посессивности (ср. наличие этих категорий у имен действия, которые, однако, относятся к системе глагола).

Морфологические категории АФС рассматриваются во второй главе (с. 47—85). Здесь исследовано оформление именных адъективов показателями падежа (ср. *лымпаль* 'относящийся к болоту, болотный' — генитивная АФС, *лымпайцаль* 'соответствующий болоту' — координативная АФС, *лымпайхыль* 'находящийся в болоте' — локативная АФС, *лымпайнтэтыль* 'направленный в болото' — иллативная АФС и т. д., всего 10 падежных АФС в среднетазовском и 9 — в верхнетазовском говоре) и посессивности (ср. *утаныль* 'относящийся к моей руке', *утантыль* 'относящийся к твоей руке', *утынтыль* 'относящийся к его руке', *утаныцаль* 'соответствующий моей руке'

и т. д.). Заслугой А. И. Гашилова является подробное изучение квазианалитических АФС, оформленных суффиксальным элементом *-этыль/-этый* (ср. *этыль/этый* — причастие наст. вр. от глагола бытия, венг. *való*). В частности, им показаны фонетико-акцентологические признаки образования квазианалитических АФС на базе аналитических конструкций, впервые выделены инструментальная АФС (на *-сэтый*) и каритивная АФС (на *-кэлэтый*) и установлены их семантические отличия от прилагательных обладания (на *-сымый*) и необладания (на *-кытый*) — (речь идет о значении постоянного (не)обладания у прилагательных в противопоставлении значению временного, актуального (не)обладания у АФС), дифференцированы данные средне- и верхнетазовского говоров с точки зрения употребления в них лативных АФС. К сожалению, в последней связи автор не касается вопроса о соотношении в верхнетазовском говоре падежных показателей субстантивной репрезентации *-ныль* и *-нты*: противопоставлены ли они как показатели разных падежей, датива-аллатива и иллатива (таково положение в среднетазовском говоре), или распределены дополнительно в зависимости от одушевленности/неодушевленности склоняемого имени? Кроме того, в описании (см., напр., таблицу на с. 75) оказались вообще пропущенными посессивные формы верхнетазовского латива для адъективных форм неодушевленных существительных. Очевидно, эти формы должны быть омонимичны формам элативной АФС, ср. единичный пример *қаныхкынтэтыль* 'направленный к нашему берегу' (с. 77), а также омонимичные посессивные формы иллатива и элатива в среднетазовском говоре.

Рецензент не может согласиться с попыткой А. И. Гашилова интерпретировать элементы *лака* и *мы*, сочетающиеся с генитивной АФС, как модификаторы числового значения АФС (с. 49—50, 81—85). Хотя в сочетаниях с *лака* и *мы* действительно участвуют именно АФС, однако модифицируется при этом числовое значение субстантивной формы, и синтаксически такие сочетания никогда не выступают (в отличие от АФС) в функции определений, ср. *қулқа* 'лед': (*қул-*

қалы 'леядной') : қулқал лака 'льдина' (сингулятивное значение) : қулқалы мы 'льды' (собирательное значение). Кстати, автор вообще не упоминает принятого в грамматиках селькупского языка описания форм на *-l mi* как множественного числа (М. А. Кастрен, Г. Н. Прокофьев) или как собирательной формы («Очерки...»). Более адекватное освещение сочетания с *лака* и *мы* получают в синтаксической главе работы (с. 106—108).

Что же касается самих АФС, то для них, по-видимому, целесообразно постулировать синкретизм чисел (как это и делает автор на с. 70—71): *лымпаль* означает не только 'относящийся к болоту', но и 'относящийся к двум/многим болотам'. На принципиальную несовместимость АФС с количественной модификацией указывает и интересный пример на с. 98: словосочетание *коччы тэаль қақлы* букв. 'многочисленный' + 'олений' + 'нарта', предьявленное информантам в порядке лингвистического эксперимента, воспринималось ими как аграмматичное. Причина его аграмматичности, однако, не в том, что АФС неспособны определяться наречием, как считает автор (*коччы* в селькупском языке не является наречием), а в том, что согласно нормам синтаксиса это сочетание членится как [(*коччы тэаль*) *қақлы*], а не как [*коччы (тэаль қақлы)*] 'много оленьих нартов', и в группе *коччы тэаль* нарушается запрет на количественно-числовую спецификацию АФС.

В третьей главе (с. 86—111) исследованы синтаксические функции АФС — основная, атрибутивная (реализуется за счет трансформации актантов и сирконстантов, выраженных именными группами, в нераспространенные или распространенные атрибутивные группы), а также предикативная (только в составе сложного предиката, состоящего из локативной АФС, послелога *чарä* 'как' и глагола бытия: *төқылы чарä тэа* 'подобен озеру') — и употребление в составе некоторых синтаксически неразложимых словосочетаний. Особенно интересен и представлен материал по словосочетаниям со значением совместности (типа *порқылы пемы* 'одежда с обувью, вещи'; *ниңкай чопасық ақий* 'сестра с братом');

последний пример и ряд аналогичных ему свидетельствуют о том, что в верхнетазовском говоре показатель двойственного числа может выступать в виде *-qij* (ср. ср.-таз. *-qi*), т. е. в форме, особенно близкой к реконструируемому прасамодийскому показателю двойственного числа **-kβj* (см. Е. А. Хелимский, Атрибутивная и неатрибутивная формы числительного 'два'. — СФУ XVI 1980, с. 8).

Четвертая глава трактует вопрос о месте АФС в грамматической системе селькупского языка с точки зрения их развития (с. 112—130). Она отражает несомненное влияние на А. И. Гашилова работ тех исследователей, которые в той или иной мере сохранили или продолжали развивать стадиально-глотогонический подход к языковой диахронии (И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, Н. М. Терещенко). Можно констатировать, что материал селькупского языка не менее удобен для разработки стадиальных концепций, чем материал любого другого недостаточно изученного сравнительно-историческим методом языка, а аргументация А. И. Гашилова выглядит не менее обстоятельной, чем доводы в других исследованиях аналогичной направленности. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что сравнительно-историческое исследование дает все основания предполагать для селькупского *-l* в функции адъективизатора прауральское (ур. **-j*) (Н. Katz, Beitrag zur Lösung des Problems der Entwicklung von ursam. **j* im selkupischen und der hiermit zusammenhängenden Fragen der historischen Morphologie dieser Sprache und des Uralischen. — СФУ XV 1979, с. 170) и даже ностратическое (ностр. **jz.*, см. Е. А. Хелимский, Две заметки о славянско-самодийских аналогиях. — Балто-славянские исследования 1983, Москва 1984, с. 121) происхождение. В статье Х. Катца содержится, кроме того, весьма убедительное объяснение селькупских «элевых» показателей прямого дополнения (использование которых освещено в рецензируемой работе на с. 89—91, 108—109) как рефлексов уральского показателя аккузатива множественного числа **.j*. С другой стороны, анализ автором сочетаний с собирательным и количественным значением, с выделением в их составе АФС, пред-

ставляется более убедительным, чем предположение Х. Катца о сохранении того же показателя аккузатива множественного числа *j в составе селькупского форманта *-l m̄* (см. выше).

Изложение проблематики АФС сопровождается в работе содержательными экскурсами в смежные разделы описательной грамматики селькупского языка (морфонология, словоизменительная морфология, словообразование, синтаксис), основано на знании и критическом осмыслении литературы по теме (преимущественно отечественной). Что касается работ теоретического характера, которые также активно использовались автором, то в одних случаях мы находим тщательную проработку и систематизацию предлагаемых ими решений (например, в первой главе в связи с критериями клас-

сификации частей речи), в других же ссылки выполняют чисто декоративную функцию (см., напр., на с. 48 определение словоизменительной морфемы как «единицы лингвистического анализа, которая вычленяется в ходе специального исследования путем сознательной абстракции» — чем тогда морфема отличается от других единиц лингвистического, да и не только лингвистического, анализа? — со ссылкой на работу Е. С. Кубряковой).

Упомянувшиеся выше расхождения в оценке отдельных фактов не препятствуют тому, чтобы охарактеризовать исследование А. И. Гашилова как продукт квалифицированного и вдумчивого анализа частного, но интересного и своеобразного раздела грамматики селькупского языка.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

ZUR ERINNERUNG AN HEINO AHVEN

Am 22. April 1988 verstarb plötzlich der wissenschaftliche Sekretär der Gesellschaft für Muttersprache, der Verdiente Kulturschaffende der Estnischen SSR Heino Ahven.

Er wurde am 22. November 1919 im südestnischen Rāpina in der Familie eines Buchhalters geboren. Seine Schulbildung erhielt er in der Grundschule von Rāpina und im Gymnasium von Võru, das er 1937 absolvierte. Bis zu seinem Lebensende blieb er seinem Geburtsort und seinem Heimat-

dialekt sehr verbunden. Noch einen Tag vor seinem unerwarteten Tod war er einer der Referenten auf dem Sprachtag der Mittelschule in Vārska und sprach zu den Jugendlichen in seinem Heimatdialekt über die Bewahrung der Muttersprache.

H. Ahven wollte Lehrer werden und trat in das Tartuer Lehrerseminar ein, zu dessen Absolventen zahlreiche hervorragende estnische Gelehrte gehörten. Der in dieser Ausbildungsstätte herrschende schöpferische Geist begeisterte den jungen Mann. Er wurde Lehrkraft am selben Seminar.

Im Jahre 1942 wurde er an die philosophische Fakultät der Tartuer Universität immatrikuliert und interessierte sich vorrangig für die Literatur. Doch in den folgenden schweren Jahren mußten auf dem Weg zum Hochschuldiplom Schwierigkeiten und Hindernisse gemeistert werden, und erst 1956 händigte man ihm das Diplom aus. Anstelle der Literatur nahm nun die estnische Sprache, vor allem aber die Sprachgeschichte den ersten Platz unter seinen Interessengebieten ein. Auf der Grundlage seiner Diplomarbeit verfaßte er seinen ersten wissenschaftlichen Artikel «Anmerkungen zum Umfang des schriftsprachlichen Wortschatzes in der ersten Auflage des estnisch-deutschen Wörter-